

3. IV.

60

УЧ. ДРЖИ

Библиотечка Варшавского Универс.

29015

2500

22 1/2
19

3. IV

60

А К Т Ъ

ОТКРЫТІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО ВАРШАВСКАГО

УНИВЕРСИТЕТА.

1869.



ВАРШАВА.

ВЪ КАЗЕННОЙ ТИПОГРАФИИ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

—
1869.



A K T P

ОТДЕЛЕНИЕ

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ

2221

1900

1900

1900

1900

~~З. 11.~~
~~60.~~

1869
1428

~~881 4/79~~

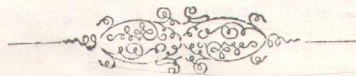
38877

А К Т Ъ

ОТКРЫТІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО ВАРШАВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

51062



Центральна Наукова
БІБЛІОТЕКА при ХДУ
Ім. М. _____

ВАРШАВА.

ВЪ КАЗЕННОЙ ТИПОГРАФИИ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

1869.

58

Проверено
ЦБ 1939

ЦНБ ХНУ ім. В.Н. Каразіна
2010 р.

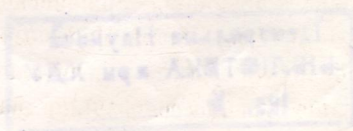
ART

ОТКРЫТО

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ ВАРШАВСКОЕ

УНИВЕРСИТЕТА

Изъ Циркуляра Варшавскаго учебнаго округа, 1869 г. № 10.



ВАРШАВА

В Казенной типографии Варшавскаго учебнаго округа

1869

1869

А К Т Ъ

ОТКРЫТІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВАРШАВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

12-го октября 1869 г. совершилось открытіе Императорскаго Варшавскаго университета. Въ этотъ день, между 9 и 10 часами утра, въ православномъ кафедральномъ соборѣ и въ католической церкви св. Іоанна были отслужены молебствія; въ первомъ собрались помолиться: попечитель округа, его помощникъ, ректоръ университета, русскіе православные преподаватели и инспекторъ университета съ своими помощниками; въ католической церкви св. Іоанна молились всѣ преподаватели римско-католическаго исповѣданія. Въ половинѣ перваго часа, около 800 приглашенныхъ по билетамъ лицъ наполнили конференцъ-залу бывшей главной школы, зданія которой обращены въ помѣщеніе для новаго университета. Въ глубинѣ этой залы, гдѣ помѣщается кафедра, возвышался портретъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, обставленный живыми растеніями. Мѣсто возлѣ кафедры было занято почетнѣйшими посѣтителями и членами университетской коллегіи; далѣе помѣстилась остальная публика, а за нею нѣсколько рядовъ скамеекъ были заняты студентами.

Торжество началось ровно въ часъ, съ прибытіемъ графа Намѣстника и высокопреосвященнаго Іоаннیکія, архіепископа Варшавскаго и Новогеоргіевскаго. Послѣ молитвы „Царю Небесный,“ пропѣтой архіерейскими пѣвчими, на кафедре взошелъ г. попечитель округа. Прежде всего познакомилъ онъ собраніе съ тѣми основаніями, на которыхъ утверждень новый университетъ. Ознакомленіе это состояло въ прочтеніи указа правительствующему сенату о преобразованіи главной школы въ Императорскій Варшавскій университетъ, и двухъ ВЫСОЧАЙШИХЪ повелѣній о ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМЪ допущеніи нѣкоторыхъ облегченій, по отношенію къ требуемымъ университетскимъ уставомъ отъ профес-

соровъ ученымъ степенямъ, для тѣхъ изъ преподавателей бывшей главной школы, которые приняты будутъ въ составъ новооткрываемаго университета. Затѣмъ, объявивъ объ утвержденіи ВЫСОЧАЙШИМЪ приказомъ ординарнаго профессора Императорскаго Харьковскаго университета, статскаго совѣтника Лавровскаго, ректоромъ Варшавскаго университета, и прочитавъ списокъ новоназначенныхъ профессоровъ, доцентовъ, прозекторовъ и лекторовъ, съ указаніемъ, что въ самомъ непродолжительномъ времени до 10-ти преподавателей изъ русскихъ ученыхъ войдутъ въ составъ университетской коллегіи, г. попечитель обратился къ г. ректору и профессорамъ съ слѣдующими словами:

„Во исполненіе возложеннаго на меня г. министромъ народнаго просвѣщенія почетнаго порученія, имѣю честь торжественно объявить Императорскій Варшавскій университетъ открытымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ передать вамъ, высокоуважаемый г. ректоръ, непосредственное управленіе этимъ заведеніемъ. Я глубоко убѣжденъ, что Варшавскій университетъ подъ просвѣщеннымъ вашимъ руководствомъ твердо и неуклонно будетъ слѣдовать по пути, ему предначертанному Августѣйшею Волею ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, и что честное служеніе наукъ будетъ его знамя и цѣль, къ которой онъ постоянно будетъ стремиться. Для этого однакожъ необходимо, чтобъ ближайшіе ваши сотрудники, гг. преподаватели университета, были, какъ вы, воодушевлены горячею любовью къ наукѣ, глубокимъ уваженіемъ къ закону, потому что тогда только вы, милостивые государи, дѣйствительно будете въ состояніи содѣйствовать уважаемому нами ректору къ выполненію лежащей на немъ высокой задачи—вести новооткрытый Варшавскій университетъ въ почтенную семью старѣйшихъ нашихъ русскихъ университетовъ. Но могу ли я, въ виду ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ дарованныхъ нынѣшнему составу университетской коллегіи льготъ и оказаннаго многимъ изъ преподавателей небывалаго въ исторіи русскаго просвѣщенія снисхожденія, сомнѣваться въ искренности вашего, милостивые государи, желанія содѣйствовать г. ректору въ достиженіи этой цѣли? Нѣтъ, я въ томъ и не сомнѣваюсь, но, напротивъ, увѣренъ, что вы, мм. гг., дружно примкнете къ ректору и вмѣстѣ съ нимъ, подъ знаменемъ науки, вѣнчите себя въ священный долгъ поощрять въ вашихъ слушателяхъ стремленіе къ истинѣ, и воспитывать въ нихъ чувства законности и живѣйшей вѣрноподданнической преданности и благодарности къ Августѣйшему Виновику сегодняшняго свѣтлаго нашего торжества.“

Окончивъ рѣчь свою, попечитель передалъ слово ректору университета, который, взоидя на кафедру, обратился къ собранію съ слѣдующею рѣчью:

Ваше сіятельство и милостивые государи!

„Начальство учебного округа и университета имѣло честь пригласить васъ принять участіе въ мирномъ торжествѣ новыхъ успѣховъ просвѣщенія въ дорогое наше отечествѣ. Какъ всякое сильное чувство стремится прорваться наружу и ищетъ въ окружающей средѣ себѣ сочувствія, такъ и восторженная радость наша побудила обратиться къ представителямъ образованія здѣшней мѣстности, чтобы совмѣстно отпраздновать открытіе новаго источника образованія.

Счастливы тѣ, на чью долю выпадало быть вѣстниками и объяснителями подобныхъ явленій въ общественной и государственной жизни: такіа явленія рѣдки всегда и вездѣ, и не удивительно, что исторія, съ воспоминаніемъ о первыхъ ихъ зачаткахъ, захватываетъ и скромныя имена непосредственныхъ и первыхъ въ нихъ дѣятелей. Тѣмъ выше, конечно, и нравственный долгъ, лежащій на этихъ счастливыхъ-труженикахъ, быть достойными своего призванія.

Мы только что выслушали изъ устъ г. попечителя причину нынѣшняго торжества, которая есть вмѣстѣ и поводъ къ вашему, милостивые государи, собранію въ скромный храмъ науки. Въ отеческой заботливости о благѣ многомилліонныхъ своихъ подданныхъ, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ благоизволилъ присоединить къ многочисленному ряду великихъ благодѣяній на пользу науки и просвѣщенія еще одно учрежденіе, въ которомъ и та и другое должны находить надежный пріютъ и источникъ.

Но чего слѣдуетъ ожидать отъ дѣятелей, чтобы университетъ сталъ въ самомъ дѣлѣ источникомъ и пріютомъ просвѣщенія? Какъ должны поступать они, чтобы выполнить цѣль, имъ предназначенную? Питаю надежду, что взглядъ, по возможности бѣглый, на свойства нашего учрежденія и на его особенности облегчитъ отвѣтъ на предложенные вопросы, и въ то же время будетъ способенъ составить собою предметъ краткой бесѣды, достойный и нашего назначенія, и вниманія столь почтеннаго собранія, достойный и нынѣшняго торжества.

Всѣ учебныя заведенія, какого бы ни были названія, прежде и болѣе всего отличаются отъ университетовъ степенью, до какой доводятъ приготовленіе своихъ учениковъ; готовятъ они обыкновенно или одни для другихъ, или для университетовъ. Университетъ, напротивъ, не имѣетъ для своихъ слушателей строго опредѣленной границы: чѣмъ выше поднимается эта граница, тѣмъ больше заслуги для университета. Для него собственно нѣтъ иныхъ предѣловъ въ развитіи науки, кромѣ тѣхъ, какіе начерталъ разумнымъ созданіемъ Всемогущій Творецъ. И до-

колѣ не будутъ они изслѣдованы, дотолѣ и поприще университетской дѣятельности останется неизмѣримымъ. Чѣмъ дальше подвигается на немъ родъ человѣческій, тѣмъ привлекательнѣе, заманчивѣе представляется глазамъ поле, призывающее на обработку. Содержаніемъ и богатствомъ такого поля служить мысль. Ее воздѣлывать, усовершенствовать, облагораживать—вотъ общая задача университета. Отсюда, стѣсненіе или ограниченіе господства мысли въ области строгой науки шло бы въ разрѣзъ съ существеннымъ характеромъ университета. Изслѣдованія ученыхъ, совершаются-ли они въ отдѣльныхъ наукахъ, или во всѣхъ вмѣстѣ, хотя въ томъ и въ другомъ случаѣ и направляются въ частности къ опредѣленной цѣли, въ общемъ однакоже не связаны постоянною границею, какъ не имѣетъ ея ничѣмъ не насыщаемая любознательность человѣка.

Всѣ усилія человѣческаго разума, посредственно или непосредственно, устремлены къ уразумѣнію природы и ея началъ. Въ этомъ и послѣдняя цѣль всѣхъ наукъ. Но въ достиженіи такой цѣли, ни въ отдѣльности, ни въ совокупности силъ, ни въ настоящее время, ни въ отдаленнѣйшемъ преемствѣ поколѣній, не замѣчаемъ мы устойчиваго рубежа, который былъ бы заключительнымъ вѣнцомъ для нашихъ изслѣдованій, Какъ не ограниченъ ничѣмъ Творецъ, такъ безконечно и побужденіе изслѣдовать Его мудрость, объявленную имъ въ твореніи. Въ непрерывномъ стремленіи миновать заблужденіе, человѣкъ предписываетъ себѣ извѣстныя правила, строго опредѣляетъ, чего долженъ держаться, отъ чего отстраняться. Но тщетны его усилія: едва только успѣетъ онъ создать систему и задуматься надъ ея глубокомысліемъ, какъ не предусмотрѣнные обстоятельства уже начинаютъ колебать ее, затѣмъ окончательно опровергать—и работа вновь становится необходима. И сколько примѣровъ представитъ исторія науки, когда тотъ или иной ученый уже былъ готовъ хвалиться тѣмъ, что достигъ завѣтной истины, какъ не замѣтно, въ сторонѣ, подмѣчена ошибка—и онъ собственными руками принужденъ уничтожать работу не рѣдко цѣлой своей жизни. Не наглядное ли выраженіе судьбы ученыхъ представляетъ намъ превосходный классическій мифъ о Сизифѣ? Какъ у него вырывается изъ рукъ камень въ ту минуту, когда почти уже онъ внесъ его на вершину скалы; такъ точно и ученый обреченъ на разубѣжденіе въ отысканной имъ истинѣ всякій разъ, какъ только одна, хотя бы и самая мелкая, ошибка раскроетъ ему глаза и укажетъ на неправильный его расчетъ.

И при всемъ томъ, столь частая, почти непрерывная обманчивость ничуть не останавливаетъ ученаго, подобно Сизифу, продолжать свой трудъ. И понятно: то же самое наблюденіе, которое подрываетъ его выводы, возбуждаетъ его къ новымъ поискамъ; раскрытіе ошибки подстре-

каетъ его къ надеждѣ, что, строя прочнѣе съ каждою неудачей, онъ успѣетъ когда-либо возвести и незыблемое зданіе.

Заблужденіе составляетъ одно изъ неизбѣжныхъ условій человѣческой природы; но въ то же время вѣковымъ опытомъ человѣкъ дошелъ и до убѣжденія, что путемъ заблужденія онъ предназначенъ къ постепенному усовершенствованію, и чѣмъ условнѣе понятіе совершенства, тѣмъ сильнѣе возбужденіе къ нему стремиться. Совершенство не перестаетъ видѣться намъ всегда въ извѣстномъ отдаленіи и постоянно надъ нами. И чѣмъ выше поднимаемся мы, чѣмъ болѣе приближаемся къ нему, тѣмъ ярче блеститъ оно и становится заманчивѣе, привлекательнѣе, притягательнѣе. Никогда не достигая его на землѣ, мы не перестаемъ однакоже постепенно подходить къ нему. Не всѣмъ, конечно, предназначено совершить на этомъ пути одинаковое пространство; но желать идти по такому пути и стремиться пройти какъ можно дальше есть общая обязанность для всѣхъ. Остановиться хотя бы на полу-дорогѣ въ этомъ странствованіи мы не можемъ, мы не въ силахъ, если не захотимъ въ противномъ случаѣ уподобиться нѣкоторымъ насѣкомымъ, которыя, какъ пчела или паукъ, не смотря на изумительную тонкость и симметричность своихъ издѣлій, неспособны однакоже ни къ какому дальнѣйшему усовершенствованію. Стоять впереди стремленія къ такому усовершенствованію, держать знамя на пути къ нему, есть задача прежде всего ученыхъ людей, есть ихъ прямое назначеніе. Университетъ, такимъ образомъ, какъ средоточіе науки, не въ правѣ отказаться отъ обязанности поднимать человѣчество посредствомъ просвѣщенія до того предѣла совершенства, какой предназначенъ человѣческому разуму.

Второе различіе университета отъ другихъ учебныхъ учреждений, вытекающее изъ перваго, заключается въ томъ, что послѣдніе излагаютъ свое ученіе на предусмотрѣнныхъ основаніяхъ, признанныхъ за положительныя, держаться строго которыхъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстный періодъ времени, составляетъ ихъ обязанность. Университетъ, наоборотъ, не связанъ безусловно предписанными извнѣ научными положеніями: онъ самъ доискивается ихъ, и для себя и для другихъ; часто не довѣряетъ и тому, до чего дошелъ онъ собственнымъ трудомъ. Подвергая научный свой матеріалъ анализу и критической оцѣнкѣ, онъ ищетъ всему оправданія повѣркой, и оправданное самимъ волею передать на судъ другихъ для подтвержденія или опроверженія.

Въ наукѣ университетъ не знаетъ суда, выше суда ученаго міра; даже и этотъ судъ не есть для него безапелляціонный; есть судъ потомства, который въ дѣлѣ науки, не знающей границъ и во времени, какъ въ движеніи къ совершенству, имѣетъ для него и значеніе, и силу. Съ та-

кой точки зрѣнія на университетъ становится очевиднымъ, что онъ самъ есть учрежденіе совершенствующее науку. Другія подобнаго свойства учрежденія оканчиваютъ свою задачу, какъ скоро сумѣютъ распространить и обобщить знанія, уже принятыя за истинныя; университетъ назначенъ оцѣнивать такія знанія, и разоблачать ихъ недостатки, восполнять и совершенствовать ихъ. Другія учрежденія учебнаго характера, хотя бы имѣли и лучшихъ людей по дѣятельности и по научнымъ знаніямъ, будучи ограничены количествомъ предметовъ и своей задачей, не могутъ въ такой же мѣрѣ пользоваться удобствами къ ихъ дальнѣйшему развитію, въ какой университетъ, предлагающій совокупность всѣхъ главныхъ наукъ съ соотвѣтствующими имъ и вспомогательными, что образуетъ третью его особенность.

Въ самомъ дѣлѣ, хотя каждая наука и имѣетъ свою особую задачу, тѣмъ не менѣе, въ силу неразрывной связи, существующей между всѣми науками, ни одной нельзя подняться высоко безъ содѣйствія другихъ. Только въ университетѣ разрозненные сестры узнаютъ свое общее происхожденіе и подаютъ другъ другу руку помощи. И если каждая наука въ отдѣльности считаетъ себя въ правѣ гордиться значеніемъ своимъ въ человѣческомъ обществѣ; тѣмъ несравненно большая должна быть польза отъ соединенія всѣхъ въ одно цѣлое. Здѣсь можно усмотрѣть тоже самое, что въ дѣйствіи одного солнечнаго луча по сравненію съ совокупностію ихъ въ цѣломъ свѣтилѣ. Тотъ, кто первый подаль мысль собранія въ одно всѣхъ научныхъ предметовъ, сдѣлалъ безспорно огромный шагъ къ ихъ развитію и усовершенствованію. Подобное соединеніе не произвело въ сущности ничего иного, какъ только свело снова въ одинъ обширный потокъ отдѣльные ручьи, вытекающіе изъ одного источника, но раздѣленные въ своемъ теченіи.

Сѣдая старина имѣла одну общую науку, задачею которой было изслѣдованіе цѣльной природы. Но чѣмъ явственнѣе выдѣлялъ умъ составныя части послѣдней, тѣмъ неизбѣжнѣ становилось дѣленіе и самой науки. Каждой ея части дано особое названіе, очерченъ особый кругъ—и мало-по-малу забыли о ихъ исконномъ родствѣ. Обрабатываемыя въ отдѣльности, онѣ привели людей ко многимъ открытіямъ, равно любопытнымъ и полезнымъ; но никогда не достигли бы современной своей силы, еслибы университеты не возвратили ихъ къ первобытному единству. Долгое время трудилось человѣчество надъ постиженіемъ міра посредствомъ наблюденій надъ нимъ въ цѣлости; обманутое въ надеждѣ, обратилось къ отдѣльнымъ предметамъ, изучая ихъ одинъ за другимъ. Опытъ убѣдилъ, наконецъ, что какъ одно наблюденіе надъ цѣлымъ, такъ и отдѣльное изученіе по частямъ, не приводитъ къ основательному и полному знанію.

Университетъ, соединяющій въ себѣ разнообразнѣйшія науки, дѣлаетъ слѣдовательно то же самое, что химикъ съ своимъ химическимъ матеріаломъ: то разбиваетъ онъ ихъ на мельчайшія спеціальности, то опять соединяетъ. Дробленіе открываетъ истины частныя; путемъ соединенія приходятъ къ истинамъ общимъ.

Не легка задача пускаться въ глубину каждой науки; несравненно труднѣе обнимать ихъ нѣсколько, и уже рѣшительно нѣтъ возможности одному уму бороться со всѣмъ ихъ разнообразіемъ, во всей современной полнотѣ ихъ развитія. И вотъ почему люди, помогая недостатку своихъ силъ, посвящаютъ себя обыкновенно одной какой-либо наукѣ, а ежели и ея объемъ кажется довольно широкимъ, то дробятъ и ее на части, и обрабатываютъ каждую отдѣльно. Не станемъ однако же думать, чтобы спеціальная обработка наукъ была удѣломъ лишь менѣ богатыхъ умомъ. Если общіе выводы изъ частныхъ наблюденій относятся къ достойнымъ проявленіямъ генія, то не менѣ достойно назначеніе облегчать общія заключенія посредствомъ частныхъ открытій: только изъ частныхъ понятій образуются общія. Путь научныхъ открытій, путь усовершенствованія наукъ—требуетъ углубленія въ самыя мелкія ихъ части, требуетъ исключительнаго посвященія имъ себя, но подъ непремѣннымъ, однако же, условіемъ вниманія къ цѣлому: лишь въ цѣломъ обнаруживается настоящее значеніе каждой части.

Учрежденія, занятія распространеніемъ общихъ свѣдѣній, очевидно, не могутъ допускать столь дробнаго дѣленія наукъ, какое въ университетѣ составляетъ часто предметъ научной необходимости. Какъ въ народѣ люди различнаго званія и различной степени умственного развитія не могутъ обойтись одни безъ другихъ и, для удовлетворенія своимъ потребностямъ, нуждаются во взаимной помощи, такъ точно и науки способны расти и процвѣтать только въ соединеніи и взаимномъ содѣйствіи одна другой. Каждый университетъ, какъ средоточіе всѣхъ наукъ, долженъ служить центромъ, изъ котораго расходятся благотворныя идеи на всѣ слои человѣческаго общества, ибо наука есть душа всѣхъ успѣховъ дѣятельности послѣдняго. Если позволительно сравнить отдѣльныя науки съ сплавными рѣками, вытекающими изъ одного источника и въ дальнѣйшемъ обособленномъ теченіи увлажжающими обширныя пространства, то университетъ былъ бы моремъ, поглощающимъ эти рѣки, но въ то же время и возвращающимъ отъ себя воды въ видѣ чистѣйшихъ испареній, которыя образуютъ, въ свою очередь, облака, а посредствомъ ихъ и дождь, одинаково питающій и горы, и долины, и вѣковѣчные дубы, и едва замѣтныя былинки. Само собою понятно, что для того, чтобы университетъ могъ способствовать совершенству наукъ и могъ надѣлать человѣчество

потребными знаніями, необходимо ему владѣть въ научномъ движеніи полною свободой. Въ этомъ заключается отличительный его признакъ.

Таково, мм. гг., значеніе университета по его сущности. Съ гордостію въ правѣ мы заявить, что таково оно по взгляду и распоряженію правительства. Последнее, въ ряду своихъ заботливыхъ постановленій, неоднократно выражало воззрѣніе на университетъ, какъ на учрежденіе, задачей котораго — не только поддерживать науку на той степени, до какой достигла она въ ученомъ и образованномъ мірѣ, но и совершенствовать и развивать ее далѣе.

Но, мм. гг., та же полная свобода, какую вывели мы изъ бѣлаго анализа университетской науки и какую признали необходимою для ея успѣховъ, требуетъ и со стороны ея воздѣльвателей такой же чистоты въ помыслахъ и побужденіяхъ, какою отличается всякая научная истина. Имѣя счастье быть жрецами науки, слѣдя за постояннымъ ея усовершенствованіемъ, способствуя ему и собственными открытіями, эти воздѣльватели должны строго и неизмѣнно держаться предѣловъ своей научной области. До тѣхъ поръ неизблема ихъ свобода; до тѣхъ поръ останутся они и вѣрными высокому своему призванію. Малѣйшее уклоненіе отъ этихъ предѣловъ, самое, повидимому, слабое вмѣшательство въ основы житейскаго порядка нарушаетъ прямое назначеніе ученаго, вводитъ его совершенно въ чужую среду, которая обусловлена другою исторіей, иными задачами и покою на иныхъ началахъ. И вотъ почему то же самое правительство, содѣйствуя свободному изложенію научныхъ истинъ, находитъ справедливымъ и необходимымъ предостеречь учащее сословіе отъ положеній, направленныхъ противъ религіи, нравственности и правительства. Эти предостереженія, однако же, ни въ какомъ случаѣ не должны считаться ограниченіемъ указанной свободы. Это не скалы, покрывающія русла рѣкъ и замедляющія ихъ теченіе, а только указатели гибельнаго разлива отъ лишняго напора воды; это разсаженные въ степи деревья, указывающія путь путешественнику; столбы на распутіяхъ, отмѣчающіе настоящую дорогу; маяки, предостерегающіе отъ морскихъ водоворотовъ, въ которыхъ погубило такъ много кораблей съ драгоценными сокровищами; наконецъ, это границы, не только не стѣсняющія, а напротивъ, обезпечивающія свободное странствованіе.

Пловецъ въ свою очередь, не лишентъ, и права и возможности вступить на берегъ, обозрѣть спасительный маякъ, сообразить его годность и цѣнность; но горе ему, если онъ дерзнетъ не призванною рукою посягнуть на его цѣлость и несокрушимость: не имъ поставленъ онъ и не для него одного. Подкапываясь подъ такой маякъ, подобный пловецъ губитъ и себя въ неостѣженномъ морскомъ водоворотѣ, и — что еще хуже — губитъ

съ собою и ту свѣжую силу, которая размѣстилась на прочномъ его суднѣ и которая способна везти на немъ въ свои семейства залогъ будущаго ихъ благосостоянія.

Обращаюсь къ вамъ, достойные сослуживцы; обращаюсь не съ тѣмъ, чтобъ изъ предложеннаго примѣра дѣлать примѣненіе или указаніе. Нѣтъ, я ни мало не сомнѣваюсь въ глубокомъ сознаніи вами выраженной мною мысли, а только желалъ бы присоединить и вашъ опытный голосъ къ своему предъ почтеннымъ собраніемъ—что въ нашихъ понятіяхъ и убѣжденіяхъ катедры есть священный алтарь науки, что она чуждается, даже гнушается всего примѣснаго, посторонняго, внѣшняго, ненаучнаго,—что ея задача состоитъ въ разлитіи истиннаго свѣта науки, а черезъ него и стройнаго, строгаго, дѣйствительнаго просвѣщенія. И пусть такое просвѣщеніе, воспринятое тысячами юныхъ умовъ, разносится по всему пространству государства, проходитъ въ глубь народную и, проникши въ сознаніе всѣхъ, само-собою созидаетъ благоденствіе въ жизни. Да и кто изъ отдѣльныхъ лицъ даннаго времени можетъ поручиться, что и какъ выработаетъ послѣдняя на такой основѣ въ будущемъ? Не будутъ-ли результаты ея прямо противоположны тому, что задумалъ бы сдѣлать единаичный голосъ съ кафедры, извратившій чистое ея сдѣланище въ арену пропаганды? И чѣмъ заплатитъ виновникъ этого голоса, просмотрѣвшій маякъ, за гибель отъ него въ водоворотѣ драгоцѣнныхъ силъ страны?

Я имѣлъ уже честь заявить достойнымъ сослуживцамъ мое пониманіе новаго моего званія, какъ администратора; передаю имъ и многуважаемому собранію, удостоившему насъ сочувствіемъ, воззрѣніе мое и на значеніе и свойства университетской науки. Только въ чистомъ, безпримѣсномъ ея видѣ признаю я залогъ великихъ успѣховъ университета, и только при такомъ условіи считаю послѣдній неисчерпаемымъ источникомъ истиннаго свѣта для цѣлой здѣшней страны. Наука, святая наука! Ты не подчиняешься мѣлкимъ человѣческимъ страстямъ, не поддаешься и крупнымъ явленіямъ вражды между народами; любовно обнимаешь ты въ себѣ и собою всѣхъ и все; для тебя нѣтъ предѣловъ ни во времени, ни въ пространствѣ; каждый предметъ и каждое явленіе имѣютъ для тебя смыслъ объекта, въ которомъ ищешь ты одной правды; самое заблужденіе для тебя лишь временное, возникшее изъ тѣхъ же порывовъ къ истинѣ. И неужели мы, давшіе внутренній обѣтъ служить этой наукѣ, унижимъ, осквернимъ ее примѣсью житейской страсти? Нѣтъ, благодарю судьбу за настоящую увѣренность, что я встрѣчу тѣмъ большую поддержку въ строгомъ сохраненіи чистоты ея, чѣмъ образованнѣе понятія моихъ сослуживцевъ, чѣмъ ближе къ сердцу большинства ихъ заботливость о благѣ своихъ единосемцевъ и чѣмъ обязательнѣе благодарность

предъ Виновникомъ важнаго учрежденія нашего, столь милостиво облегчившимъ пользованіе средствами высшаго образованія.

Этимъ могъ бы я заключить немногія мысли, какія считалъ умѣстнымъ передать вниманію почтеннѣйшаго собранія. Но, возвѣщая торжественно о началѣ жизни новорожденнаго университета, можемъ-ли, въ правѣ-ли мы забыть, именно въ настоящія минуты, о тѣхъ, трудами и мыслями коихъ созидался этотъ университетъ: чѣмъ выше ставимъ мы его значеніе, тѣмъ непритворнѣе должны мы отнести къ нимъ съ чувствомъ благодарности.

Итакъ вспомнимъ съ теплою признательностью о ближайшемъ начальникѣ университета, о г. попечителѣ Варшавскаго учебнаго округа: его горячій и настойчивой заботливости обязаны мы трудами по заготовленію проекта устава; онъ же принялъ на себя не легкую обязанность и при первоначальномъ введеніи въ жизнь самого устава.

Незабвенны будутъ въ исторіи Варшавскаго университета заслуги и того, кто отъ первой мысли о его созданіи до послѣдней минуты былъ и есть душою, оживлявшею и предварительные труды и послѣдующія распоряженія. Имя г. министра народнаго просвѣщенія, графа Д. А. Толстаго, не можетъ не вызвать глубокой благодарности въ каждомъ, кому дорогъ успѣхъ истиннаго просвѣщенія.

Не настоятельный-ли нравственный долгъ обязываетъ насъ запечатлѣть въ памяти и имя государственнаго мужа, отличеннаго среди десятковъ милліоновъ вѣрноподданныхъ непосредственнымъ представительствомъ Верховной власти въ здѣшнемъ краѣ, безъ участія котораго не совершается въ немъ ничто по всѣмъ частямъ многосложнаго управленія. Какъ плодъ теплаго сочувственнаго участія его сіятельства, г. наместника, графа О. О. Берга, должны мы считать и быстроту созданія и открытія университета. Проникнутый чувствами признательности, университетъ осмѣливается питать надежду, что и впредь не встрѣтитъ онъ отказа во вліятельномъ и просвѣщенномъ его благорасположеніи.

Но съ какимъ чувствомъ отнесемся всѣ мы къ Тому, кто вложилъ живую душу въ новопостроенное зданіе, кто зажегъ въ немъ свѣтильникъ истины, кто отворилъ къ нему настежь двери и даровалъ свободный доступъ каждому освѣщать умъ и согрѣвать сердце на столько, на сколько можетъ онъ вмѣстить въ себѣ? Одно только и возможно чувство безграничной преданности и пламенная молитва ко Всевышнему, да продлитъ Онъ дни Августѣйшаго ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА, обожаемаго нашего ЦАРЯ-ОСВОБОДИТЕЛЯ и ПРОСВѢТИТЕЛЯ, до той поры, когда и отдаленные наши преемники получатъ за-

видную возможность выразить эту преданность въ безукоризненномъ выполнении ЕГО благихъ и мудрыхъ предначертаній.“

По окончаніи этой рѣчи, зала огласилась гимномъ: „Боже, Царя храни!“, пропѣтымъ тѣмъ же архіерейскимъ хоромъ. Заключительнымъ дѣйствіемъ торжества было чтеніе акта открытія университета, слѣдующаго содержанія:

„1869 года, октября 12 дня, на основаніи ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго въ 8-ой день іюня сего года устава Императорскаго Варшавскаго университета, въ присутствіи его сіятельства генераль-фельдмаршала графа Намѣстника въ Царствѣ, попечителя Варшавскаго учебнаго округа и другихъ духовныхъ, военныхъ и гражданскихъ властей, открыть Императорскій Варшавскій университетъ.“

Актъ этотъ былъ поднесенъ для подписанія графу Намѣстнику и Архіепископу, оставившимъ послѣ этого залу. Уходя, графъ обратился къ университетскому начальству и профессорамъ съ нѣсколькими словами, въ которыхъ выразилъ свое полное и искреннее сочувствіе новому учебному заведенію и всегдашнюю готовность быть ему полезнымъ. Затѣмъ, подписался на этомъ актѣ много другихъ изъ присутствовавшихъ лицъ и этихъ подписей набралось столько, сколько могъ вмѣстить ихъ огромный листъ, на которомъ были начертаны только-что приведенныя слова.

Когда происходило подписаніе акта, старѣйшій изъ профессоровъ, О. М. Ковалевскій, по просьбѣ всѣхъ своихъ сослуживцевъ, подошелъ къ ректору и передалъ ему искреннее желаніе всей университетской коллегии—немедленно отправить къ г. министру народнаго просвѣщенія двѣ телеграммы: одну—съ просьбой повергнуть къ стопамъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА выраженіе чувствъ, одушевляющихъ всѣхъ членовъ новаго учрежденія, другую—съ изъявленіемъ глубокой благодарности лично его сіятельству. Это желаніе было тутъ же приведено въ исполненіе, и тотчасъ отправлены были по телеграфу въ Петербургъ депеши слѣдующаго содержанія:

Первая: „Петербургъ. Министру народнаго просвѣщенія. Императорскій Варшавскій университетъ, отпраздновавъ нынѣ открытіе свое, имѣетъ честь, въ лицѣ попечителя, ректора и преподавателей, почтительнѣйше просить ваше сіятельство повергнуть къ стопамъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА вѣрноподданническія чувства глубокой преданности и живѣйшей благодарности за ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ дарованный новый источникъ высшаго образованія.“

Вторая: „Императорскій Варшавскій университетъ сегодня открытъ. Попечитель, ректоръ и преподаватели спѣшатъ принести вашему сіа-

тельству искреннѣйшую благодарность за постоянную вашу заботливость и неутомимые труды по приведенію въ исполненіе ВЫСОЧАЙШИХЪ предначертаній относительно учрежденія этого высшаго учебнаго заведенія.“

Въ слѣдующій день, были получены отъ г. министра народнаго просвѣщенія на имя попечителя округа слѣдующія отвѣтныя депеши:

На первую телеграмму: „Варшава. Попечителю округа, сенатору Вите. Я всеподданнѣйше донесъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ объ открытіи Императорскаго Варшавскаго университета и повергъ къ стопамъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА выраженіе вѣрноподданнической признательности, изложенной въ вашей телеграммѣ. На докладной моей запискѣ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ Собственноручно изволилъ написать: „Дай Богъ въ добрый часъ.“ Графъ Толстой.“

На вторую: „Искренно благодарю ваше превосходительство, ректора и университетскую коллегію за оказанное мнѣ вниманіе. Графъ Толстой.“

Вѣсть о нихъ быстро разнеслась между служащими въ университетѣ, и во вторникъ, 14 октября, депеши эти были прочитаны ректоромъ въ засѣданіи университетскаго совѣта. Съ благоговѣніемъ выслушали члены совѣта драгоцѣнныя слова ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, соизволившаго удостоить своего ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАГО вниманія этотъ новый разсѣдникъ, вызванный къ жизни Его мощною Державною волею.

Считаемъ нужнымъ присоединить къ этому описанію торжества открытія Варшавскаго университета краткія свѣдѣнія о профессорахъ, которые будутъ читать лекціи на русскомъ языкѣ, и о числѣ поступившихъ въ университетъ студентовъ. Всѣхъ лицъ, опредѣленныхъ по настоящее время на должности профессоровъ, доцентовъ, прозекторовъ и лекторовъ 56. Изъ нихъ, на основаніи полученнаго ими въ русскихъ университетахъ образованія, приступать къ чтенію лекцій на русскомъ языкѣ 31.— Изъ 25, окончившихъ свое образованіе въ иностранныхъ университетахъ и Варшавской главной школѣ, теперь же допущены были къ прочтенію по-русски пробныхъ лекцій и признаны способными продолжать университетское преподаваніе на русскомъ языкѣ 3. Сверхъ того, изъ университетовъ Казанскаго, Харьковскаго и Кіевскаго приглашены: на должность ординарнаго профессора 1, на должность экстраординарныхъ профессоровъ 3, на должность прозектора 1, и изъ русскихъ ученыхъ, не занимавшихъ доселѣ университетскихъ каѳедръ 3.—Такимъ образомъ къ числу 34 преподавателей, которые начнутъ чтеніе лекцій на русскомъ языкѣ, прибавится въ самомъ непродолжительномъ времени еще 8, такъ

что всѣхъ имѣющихъ читать лекціи въ университетѣ на русскомъ языкѣ будетъ 42. Изъ нихъ войдутъ въ составъ преподавателей историко-филологическаго факультета 9, физико-математическаго 11, юридическаго 7 и медицинскаго 15.

Студентовъ принято въ Варшавскій университетъ 1036, а именно: а) изъ вновь поступающихъ 200, (въ историко-филологическій факультетъ 3, въ физико-математическій 47, въ юридическій 49 и въ медицинскій 101,) и б) изъ числа студентовъ бывшей главной школы 836. Эти послѣдніе распредѣлились по факультетамъ: 1) историко-филологическому 57: (II-го курса 13, III-го—14, и IV-го—30); 2) физико-математическому 199: (II-го курса 119, III-го—29 и IV-го 51); 3) юридическому—357: (II-го курса 156, III-го 91 и IV-го 110) и 4) медицинскому 223: (II-го курса 96, III-го—52, IV-го—52 и V-го—23).

Нельзя однакожь при этомъ не замѣтить, что означенное общее число студентовъ не можетъ считаться прочнымъ до 15 ноября, назначеннаго окончательнымъ срокомъ для взноса платы за слушаніе лекцій, послѣ котораго неуплатившіе должны будутъ оставить университетъ. Кромѣ студентовъ, на основаніи устава университета, поступитъ еще извѣстное число вольнослушателей. Отъ таковыхъ принято прошеній 103. Прошенія эти нынѣ разсматриваются и рѣшенія на оныя со стороны попечителя еще не послѣдовало.



